

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник 111

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

Портрет А. В. Прахова кисти И. Н. Крамского (ГТГ)

М. А. КОРОСТОВЦЕВ, С. И. ХОДЖАШ

АДРИАН ВИКТОРОВИЧ ПРАХОВ
(1846—1916)

14 мая 1956 г. исполнилось 40 лет со дня смерти выдающегося русского археолога и историка искусства Адриана Викторовича Прахова.

А. В. Прахов происходил из русской интеллигентной семьи. Отец А. В. Прахова Виктор Иванович Прахов был высокообразованным человеком, археологом, свободно владевшим греческим, латинским и еврейским языками, известным библиофилом, собравшим ценную библиотеку старинных и редких книг¹. Брат А. В. Прахова Мстислав Викторович Прахов, ученый и поэт, по свидетельству В. В. Стасова, пользовался глубочайшей симпатией скульптора М. М. Антокольского и художника И. Е. Репина². Сын А. В. Прахова недавно скончавшийся Н. А. Прахов известен как художник и историк русского искусства. Внук А. В. Прахова, А. Н. Прахов, с успехом работал в советской кинематографии.

Научная деятельность А. В. Прахова была очень обширна, а интересы разносторонни. Еще будучи студентом, он очень интересовался историей искусства и написал статью «Ахилл Эрмитажный», рисунки для которой были изготовлены его другом, впоследствии знаменитым художником И. Е. Репиным; статья эта была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения».

В 1867 г. А. В. Прахов окончил историко-филологический факультет. Стремясь углубить свои познания по истории искусств, он выразил желание безвозмездно работать хранителем Музея изящных искусств и древностей при Петербургском университете, и благодаря ходатайству своего учителя, извест-

¹ «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета», т. II, СПб., 1896, стр. 123.

² И. Е. Репин, *Далекое близкое*, М., 1949, стр. 524.

ного филолога профессора К. Я. Люгебиля, был утвержден в этой должности в 1869 г.³ В том же году кафедра истории изящных искусств университета направила А. В. Прахова в научную командировку за границу, продолжавшуюся до 1873 г. включительно. За эти годы он работал во многих музеях Германии, Франции, Англии и Италии, исследуя преимущественно памятники античного искусства. Результатом этой работы был ряд статей, помещенных в «Annali dell 'Istituto di Corresponsenza». Вскоре А. В. Прахов был избран действительным членом этого института.

В 1871 г. А. В. Прахов приезжал в Петербург для публичной защиты диссертации на соискание ученой степени магистра по теме «Исследования по истории греческого искусства». Он был утвержден магистром теории и истории искусств⁴.

По возвращении на родину в 1873 г. его утвердили доцентом Петербургского университета. Интерес к античному и, в частности, греческому искусству, которому он посвятил ряд исследований, не помешал А. В. Прахову очень серьезно заняться и искусством Древнего Востока. В течение ряда лет он читал в университете курс лекций по истории искусства Египта, Ассирии, Вавилона, Финикии, Греции⁵. Одновременно с 1875 по 1887 г. А. В. Прахов читал лекции в Академии художеств, а впоследствии, с 1905 по 1907 г., — на Высших женских курсах. В 1887 г. А. В. Прахову было поручено руководство внутренней отделкой строящегося Владимирского собора в Киеве; в связи с этим он был переведен в Киевский университет, где в течение десяти лет занимал кафедру истории искусств.

Сочетая большие творческие знания с практическими художественными навыками, А. В. Прахов обладал способностью придавать своим лекциям исключительно живой, увлекательный характер. Слушателей привлекала необычайная глубина его мысли, умение просто, но чрезвычайно образно рассказывать о художественных памятниках. Он пробуждал у студентов интерес к древневосточному искусству, в то время еще очень мало изученному.

Крупный советский специалист в области искусства стран Передней Азии Н. Д. Флиттнер с благодарностью вспоминала, что первым ее учителем в этой области был А. В. Прахов.

В течение этих лет, занимаясь одновременно с педагогической деятельностью исследованием египетской архитектуры,

³ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, дело 6714, связка 191, л. 2.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 150, ед. хр. 1031, стр. 250 (приложен послужной список А. В. Прахова).

⁵ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, дело 6714, связка 191, л. 108.

А. В. Прахов подготовил работу «Критические наблюдения над формами изящных искусств. Зодчество древнего Египта»⁶, которая была им представлена на соискание ученой степени доктора теории и истории искусств. Защита диссертации происходила 30 марта 1880 г. на историко-филологическом факультете университета⁷. Оппонентами были профессор К. Я. Люгебиль и доцент Ф. Ф. Соколов. В этой диссертации А. В. Прахов поставил перед собой цель проанализировать происхождение и развитие основных форм египетской архитектуры: гробницы и храма. Его интересовало, по какому принципу строились древнеегипетские гробницы, как возникли простые формы египетского зодчества и, наконец, каким образом египтяне сооружали храмы.

В своем исследовании А. В. Прахов использовал материалы, опубликованные французской археологической экспедицией (1809—1828 гг.) в «Description d'Égypte», и данные немецкой экспедиции (1842—1845 гг.), опубликованные Р. Лепсиусом в многотомном издании «Denkmäler aus Aegypten und Aethiopen», а также труды, касающиеся отдельных вопросов египетской архитектуры.

Первая глава исследования посвящена принципу строительства гробницы и происхождению ее архитектурных форм. А. В. Прахов рассматривает гробницы гизехские, саккарские, бенихассанские, сиутские от IV до XIII династии, а также отдельные саркофаги и изображения. Сравнивая архитектурные детали, выполненные в камне, с деревянными конструкциями, русский ученый устанавливает их происхождение и доказывает, что многие формы, известные в каменном зодчестве, заимствованы из деревянного. В частности, А. В. Прахов считает, что первой архитектурной формой, прообразом всех последующих египетских зданий, была кочевая палатка, а в дальнейшем жилой дом⁸. Гизехские мастабы V династии имеют на восточной стороне по две глухие двери, выходящие во двор, образующий пристроенными стенами, составляющими вместе со стенами мастабы прямоугольник, т. е. их план повто-

⁶ А. В. Прахов, *Критические наблюдения над формами изящных искусств. Зодчество древнего Египта*, СПб., вып. 1, 1880; см. В. В. Стасов, *Русское сочинение об египетской архитектуре*, — ЖМНП, 1880, № 10, стр. 402—449. Статья посвящена разбору диссертации А. В. Прахова.

⁷ ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, дело 6714, связка 191, л. 77.

⁸ В то время, когда А. В. Прахов писал диссертацию, были известны жилые дома только периода Нового царства, но раскопки последующих лет, проводимые в Кахуне и других поселениях Среднего царства, дали обильный материал, подтверждающий сходство между культовым и гражданским зодчеством периода Среднего царства.

ряет план жилого дома. Более сложным типом являются бенихассанские гробницы XII династии.

А. В. Прахов устанавливает два типа гробниц: южный и северный. Южные гробницы состоят из пристроенного открытого двора, в который вели ворота, и портика, вырубленного в скалах. В северных гробницах и вход, и двери, и портик — все вырубалось в скалах. Несмотря на их различие, и тот и другой тип гробницы повторяют план жилого дома. Изменения в планировке гробниц, происходящие с течением времени, были вызваны переменами в жилищах, которым они подражали. Тенденция повторять в гробнице жилой дом была связана с религиозными воззрениями древних египтян, стремившихся в потустороннем мире воссоздать жизнь, подобную земной. Вместе с тем большая стабильность в планировке гробниц по сравнению с гражданской архитектурой объясняется застойностью египетских верований и стремлением египтян в культовых зданиях подражать древнейшим прототипам.

Большое место в диссертации А. В. Прахова уделено истории происхождения колонн. Этот вопрос получил различное толкование в египтологической литературе. Особенно подробно им занимался немецкий ученый Р. Лепсиус, посвятивший данной проблеме ряд статей⁹.

Отдавая должное заслугам Р. Лепсиуса в области изучения египетской архитектуры, А. В. Прахов подверг критике его утверждение о том, что внешний вид ископаемых колонн (к ним Р. Лепсиус относит «протодорические колонны») был определен эстетическими соображениями; наличие базы, канелированного ствола и абаки объяснялось стремлением создать логический переход между отдельными частями. Он писал: «Если Лепсиус утверждает, что абака произошла из желания поместить *посредствующее* звено между многогранником колонн и архитравом, а база должна быть *посредствующим* звеном между фустом и полом, то не видно, почему непременно должны были явиться такие «*посредствующие*» звенья; это утверждение есть род эстетической веры, а не точного знания, которое могло бы быть доказано. Сверх того вы сознаете, что все эстетические доводы, в том роде, как приводит их Лепсиус, есть принадлежность XIX века, времени, которое старается сбъяснить формы искусства и зачастую вместо действительного

⁹ C. R. Lepsius, *Sur l'ordre des colonnes piliers en Égypte et ses rapports avec le second ordre égyptien et la colonne grecque*, — *Annali dell' istituto di corrispondenza archeologica*, Poma, 1837; *Über einige aegyptische Kunstformen und ihre Entwicklung*, — «*Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1871*».

объяснения подымает простой факт на степень принципа и таким образом объясняет факт им же самим. Трудно поверить, чтобы за 3000 лет до р. х., в эти начальные времена человеческой образованности, египтянин мог руководствоваться теми же эстетическими соображениями, какими руководствуются современники Лепсиуса»¹⁰.

А. В. Прахов считает, что египетские каменные колонны, «протодорические» и «растительные», берут свое начало от деревянных подпор. Деревянные столбы, поддерживающие кровлю, должны были быть хорошо укреплены у основания и в верхней части, поэтому на месге, где ставили столб, помещали каменную плиту с выемкой для столба (база в каменной колонне), а между столбом и балкой кровли приколачивалась доска с гнездом, в которое входил верхний конец столба (абака в каменной колонне). Колонны, сделанные в виде растений (лотосообразные, папирусообразные и пальмовидные), ведут свое происхождение от деревянных колонн. В более ранних сооружениях простую деревянную опору украшали связками живых цветов, привязанных в верхней части столба. В дальнейшем живые цветы были заменены вырезанными из дерева, и таким образом сложилась деревянная колонна растительной формы. Каменная растительная колонна воспроизводила свой деревянный прототип.

Особый раздел диссертации посвящен изучению храмов — сооружений, в которых основные принципы египетской архитектуры проявились наиболее полно и всесторонне. В отличие от гробниц, сохранившихся со времени глубокой древности, храмы в то время, когда писалась диссертация, были известны преимущественно от Нового царства и от эллинистического периода. Поэтому А. В. Прахов в основном базируется на памятниках II—I тысячелетий до н. э. Он рассматривает храмы в Эдфу, Луксоре, Карнаке, Мединет-Абу, на острове Фиале, Дендера и других; выясняет как первоначальные сооружения, так и последующие перестройки и подробно показывает происхождение и эволюцию основных частей египетского храма.

Так же как и гробница, каменный храм является подражанием деревянным сооружениям. По предположению А. В. Прахова, отдельные помещения храма повторяют составленные вместе палатки (первоначальные примитивные святилища). Внутренняя отделка храма также повторяет деревянные конструкции.

¹⁰ А. В. Прахов, *Критические наблюдения над формами изящных искусств*, стр. 47.

Последовательное повышение полов отдельных частей храма было вызвано тем, что уровень почвы от берега Нила постепенно повышается. Для того чтобы пол имел не наклонное, а горизонтальное направление, приходилось располагать помещения по уступам.

Подводя итог своим исследованиям, А. В. Прахов приходит к выводу, что и каменная гробница и храм ведут свое происхождение от деревянных сооружений.

Таково основное содержание его диссертационной работы. Важно то обстоятельство, что А. В. Прахов писал свой труд в 70-х годах XIX в., т. е. в тот период, когда русская востоковедная наука занималась еще сбором и публикацией отдельных памятников и только приступала к обобщению по отдельным вопросам истории и культуры Востока.

Диссертация А. В. Прахова явилась первым научным исследованием на русском языке, посвященным изучению египетской архитектуры¹¹. Опираясь на весь опыт египтологии своего времени, он сумел не только обобщить некоторые вопросы, касающиеся истории развития египетской архитектуры, но и прийти к новым выводам, правильность которых во многом была подтверждена последующими исследованиями других авторов.

Основной вывод работы о том, что все формы египетской каменной архитектуры ведут свое происхождение из деревянного гражданского зодчества, также считается правильным и в настоящее время¹².

Однако А. В. Прахов счел необходимым ознакомиться на месте с памятниками греческого и византийского искусства в связи с предполагавшимся изданием истории искусства этих стран. Этот труд, к сожалению, никогда не появился в печати, а рукопись, по-видимому, не сохранилась. Именно поэтому в 1881 г. он и подал в Совет историко-филологического факультета докладную записку с просьбой командировать его на Восток. Этой командировки он добивался еще и потому, что считал знакомство с древневосточным и византийским искусством важным для понимания истории древнерусского искусства, которое также его очень интересовало. Просьба А. В. Пра-

¹¹ В 1838 г. в Риме на итальянском языке вышла работа русского художника преподавателя Академии художеств Д. Е. Ефимова, посвященная египетской архитектуре. В этой книге он высказывает предположение о деревянных прототипах каменных колонн (D. E. Efimov, *Brevi cenni sull'architettura egiziana*, Roma, 1838).

¹² Н. Д. Флиттнер, *Архитектура древнего Египта*, — Всеобщая история архитектуры. Архитектура Древнего мира, т. I, М., 1944, стр. 56

хова была удовлетворена, и зиму 1881/82 г. он провел в поездках по Египту, Судану, Палестине, Сирии, Греции и Турции.

Маршрут и подробности этого путешествия могут быть восстановлены по записям его неопубликованного дневника¹³. А. В. Прахов путешествовал по Греции, Малой Азии и Египту вместе с известным востоковедом С. С. Абамелек-Лазаревым и крупным русским художником В. Д. Поленовым. Маршрут путешествия был обычный для лиц, желавших ознакомиться в более или менее короткий срок с достопримечательностями древней страны: Александрия, Каир, Луксор, Эрмент. Сильсиле, Эсне, Эдфу, Ком, Омбо, Асуан и обратно по Нилу на парусной дахабиэ до Каира с остановками в разных пунктах, в том числе и в Кена — для осмотра храма Дендера, в Балиана — из-за абидосского храма и других местах. По пути А. В. Прахов составлял свою коллекцию египетских древностей, часть которой уцелела и вошла в состав египетского собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. В нее вошли самые разнообразные предметы: скарабеи, амулеты, предметы художественного ремесла, коптские ткани и другие памятники. Наиболее интересным письменным документом этой коллекции является папирус, известный в науке под названием «папирус Прахова» и хранящийся в Эрмитаже в Ленинграде. К сожалению, он до сих пор не изучен и не переведен¹⁴.

Сохранилась лишь меньшая часть коллекции А. В. Прахова. Большая часть ее погибла при следующих обстоятельствах: когда А. В. Прахов, С. С. Абамелек-Лазарев и В. Д. Поленов направились из Египта в Турцию, комиссионер гостиницы по ошибке сдал их багаж на другой пароход, который попал в сильный шторм на Черном море и затонул недалеко от Одессы. Погибли эстампажи, рисунки, сделанные А. В. Праховым в Египте, и приобретенные им и С. С. Абамелек-Лазаревым древности¹⁵.

Во время своего путешествия по странам Востока А. В. Прахов уделял большое внимание и памятникам христианского Востока. Находясь в Константинополе, А. В. Прахов подал рус-

¹³ Выдержки из этого дневника стали нам доступны благодаря любезности сына А. В. Прахова — Н. А. Прахова, приславшего их авторам данной статьи.

¹⁴ Единственное его издание без перевода и транскрипции, если не считать нескольких строчек, которые Б. А. Тураеву удалось прочитать, — «*Parvulus Prachov*», Leningrad, 1927.

¹⁵ Эти сведения нам любезно сообщил Н. А. Прахов в письме от 26 апреля 1956 г.

скому послу Новикову докладную записку, в которой говорилось о необходимости организовать в Константинополе русский археологический институт для изучения древностей Греции, Малой Азии и других земель, входивших в состав бывшей Византийской империи.

Русский археологический институт в Константинополе был организован в 1895 г. и сыграл большую роль в развитии византиноведения в России.

Возвратившись в Россию, А. В. Прахов посвятил себя изучению истории древнерусского искусства и обследовал древнерусские храмы и соборы в Киеве, а также в то время почти никому неизвестные памятники на Волыни. Особенно важным было открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII в.¹⁶ В целом его работы по искусству древней Руси были «открытием для всех интересовавшихся русскими древностями»¹⁷.

Глубокое знание памятников древнерусского и византийского искусства помогло А. В. Прахову в его практической работе художника. В течение десяти лет А. В. Прахов осуществлял руководство внутренней отделкой Владимирского собора в Киеве, этого выдающегося памятника русского искусства конца XIX в., в росписи которого принимали участие такие прославленные мастера, как Васнецов, Нестеров, Врубель. А. В. Прахов не только руководил отделочными работами, но принимал самое непосредственное участие в оформлении собора.

А. В. Прахов принимал участие в популяризации памятников русского искусства. Он редактировал художественно-иллюстрированный журнал «Пчела», издавал «Художественные сокровища России», выступал с лекциями.

Историк и теоретик искусства, востоковед, ученый широких и разносторонних знаний — таким остается в истории русской науки А. В. Прахов.

¹⁶ А. В. Прахов, *Открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII века*, СПб., 1883.

¹⁷ «А. В. Прахов». Некролог, — «Зодчий», 1916, 15 мая, № 20, стр. 195—196.